

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1979

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

В. И. Шеремет

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (взаимосвязь политики и финансов)

Восточная (Крымская) война 1853—1856 гг. была первым вооруженным столкновением держав на Ближнем Востоке в эпоху промышленного капитализма. В зоне политических интересов европейских держав неизменно оказывалась Османская империя, простиравшаяся от Средиземноморья до Индийского океана, на пересечении важнейших коммуникаций между метрополиями колониальных империй и их владениями в Азии и Африке. Социально-политические и экономические сдвиги, происходившие в Османской империи в первой половине XIX в., создавали предпосылки самостоятельного внешнеполитического курса страны. Османская дипломатия с переменным успехом, но упорно отстаивала свои интересы в столкновениях с европейскими державами. Невозможность для какой-либо одной европейской державы установить контроль над экономическим и стратегическим потенциалом Турции, нетерпеливое ожидание европейскими кабинетами скорого конца «больного человека на Босфоре» содействовали обострению Восточного вопроса, порождали новые формы воздействия держав на процесс реформаторского обновления в Турции.

Война, начавшаяся в 1853 г. между Россией и Турцией, была использована капиталистическими державами Западной Европы для устранения России от влияния на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке. Одновременно к Османской империи были применены такие новые методы политического воздействия, как многосторонние военные соглашения, и экономического подчинения, как кабальные финансовые обязательства, которые в дальнейшем существенно исказили характер и результаты реформ 50—60-х годов XIX в.

В данной статье мы рассмотрим, как сочетались методы политического и экономического вмешательства держав в Турцию в 1853—1856 гг.¹.

Следует отметить, что военный союз колониальных капиталистических держав и феодально-теократической Османской империи в 50-х годах складывался на базе совместной борьбы против России в Европе и на Ближнем Востоке, а также против роста национально-освободительного движения балканских народов. При этом внутренние преобразования в Турции оказывались под контролем западноевропейских держав и в зависимости от них, в том числе и не участвовавших формально в Восточной войне, но не преминувших воспользоваться сложным положением Порты. Неравноправность, подчиненность Турции в военном союзе с державами-«покровителями» отражала стремление Англии, Франции и Австрии закрепить второстепенную роль турецкой дипломатии в ближневосточной политике. Пути военного соглашения, привязавшего Порту к политической колеснице держав, были скреплены надежным финансовым узлом.

Наибольшую активность проявляла английская торговая буржуазия, поддержанная всей мощью государственной машины Британской империи. Торговые договоры на принципе «free trade», навязанные Турции (1838 г.), Ирану (1841 г.), Китаю (1842 г.), сочетались с серией вооруженных интервенций в Афганистан, Пенджаб и на побережье Персидского залива, которые вывели Англию прямо к границам Османской империи, в непосредственной близости от российских владений в Средней Азии и Закавказье. Экономический кризис 1847 г. в Англии стимулировал активность британской дипломатии. Промышленный подъем с 1850 г. настойчиво требовал расширения старых и открытия новых рынков, создавая экономические предпосылки для новых войн на Востоке.

Государственный переворот 1850 г. во Франции своим логическим продолжением имел демарш нового императора французов на международной арене. В не меньшей степени промышленная революция побуждала Наполеона III бороться за рынки Восточного Средиземноморья в интересах французских торгово-промышленных кругов. Оказывала воздействие на ближневосточную политику Наполеона III и католическая церковь, требовавшая активизации борьбы за влияние в «святых местах» Палестины, составной части Османской империи. Вопрос о приоритете римско-католической или греко-православной церкви в Вифлиеме и других общехристианских святынях, искусственно раздувавшийся Францией, весьма осложнил напряженные отношения Турции и России последних предвоенных лет.

Турецкое правительство пыталось компромиссно решать проблему «святых мест», подтвердив в феврале 1852 г. прежние привилегии православной церкви, но обеспечив также интересы католического клира в Вифлиемском храме². Однако

конфликт — при активном участии британской дипломатии в Константинополе — быстро разгорался и потерял первоначальную окраску религиозного спора. В мае 1853 г. были прерваны дипломатические отношения между Россией и Османской империей.

Современная турецкая историография трактует кризис в отношениях между Россией и Турцией прежде всего как отражение борьбы России и Франции за ключи от «гроба господня». В работах турецких историков неоднократно подчеркивалась нейтральность и благожелательность Порты к обеим сторонам. При этом Ф. Эркин даже приписывает России инициативную роль в споре о «святых местах»³.

Отдал дань концепции «святых мест» в столкновении России и Турции в 1853 г. и Э. З. Карал, признанный знаток документов и литературы как турецкой, так и европейской. По его мнению, царь Николай I, не добившись согласия Лондона на совместное определение судьбы «больного человека» в 1853 г., воспользовался проблемой «святых мест», чтобы реализовать свои планы в отношении раздела Турции без европейских партнеров⁴. Однако свидетельства современников, работы отечественных и зарубежных исследователей, в том числе арабских, говорят о том, что именно Франция первой из великих держав использовала католическую церковь на Востоке в политических целях⁵. Политическая и финансовая поддержка широкой миссионерской деятельности и прозелитизм наряду с экономической экспансией были использованы западноевропейскими державами, чтобы втянуть Османскую империю в орбиту своего воздействия.

Следует отметить, что новое поколение турецких историков, сформировавшееся в условиях определенной демократизации общественной жизни и роста антиимпериалистических выступлений в Турции 60—70-х годов нашего столетия, больше задумывается о пагубной роли внедрения западного капитала в экономику Турции в середине XIX в., менее прямолинейно и односторонне судит о периоде 1853—1856 гг. Так, И. Джем и О. Коймен называют англо-турецкую конвенцию 1838 г. и военные займы 1854—1855 гг. первыми вехами подчинения Турции капиталистическому Западу, а Г. Казган проводит прямую аналогию между событиями тех лет и зависимым положением современной Турции в «Общем рынке»⁶. И. Джем, О. Коймен, Д. Авджиоглу указывают на очевидную взаимосвязь между экспансионистскими методами британской дипломатии, не столько поддерживавшей Порту, сколько защищавшей имперские интересы на Ближнем Востоке, и ускорившимся после Крымской войны экономическим отставанием Турции. Однако и эти историки считают войну, начатую Россией в 1853 г., главной причиной задолженности Османской империи.

Подлинные инициаторы Крымской войны — державы, учредившие опеку над финансами и внешней политикой Порты, — Англия и Франция предстают в роли ее защитников и покровителей⁷. Однако обстоятельства подготовки и заключения двух серий соглашений между державами и Портой (военных и финансовых) раскрывают подлинный характер «заступничества» Лондона, Парижа и Вены, их истинные цели.

26 июня 1853 г. был подписан царский манифест о введении войск на территорию Дунайских княжеств. Английская и французская эскадры уже находились на якорной стоянке у входа в Дарданеллы. С 13—14 июня 1853 г. державы готовились разрешить свой конфликт на территории Османской империи и прежде всего за ее счет.

К началу августа 1853 г. по инициативе австрийского министра иностранных дел К. Буоля дипломаты Англии, Франции, Австрии и Пруссии подготовили совместный демарш, известный как Венская нота. Обращенная формально к Турции, эта нота должна была подтвердить положение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и Адрианопольского договора 1829 г. о защите Россией православных подданных Турции и одновременно гарантировать распространение на них всех новых постановлений Порты о положении христиан в Османской империи под наблюдением России и Франции⁸. Инициатива К. Буоля отражала стремление Австрии и других западных держав не допустить, чтобы Россия и Турция урегулировали свои разногласия без участия, точнее вне контроля, держав. Поэтому как К. Буоль, так и Эд. Друэн де Люис, министр иностранных дел Франции, высказывались за многостороннее решение вопросов, связанных с русско-турецкими отношениями. Николай I немедленно принял это предложение, что казалось ему выходом из конфликта путем соглашения с державами и позволило бы активизировать подготовку нового договора с Турцией о правах христианских подданных⁹. Именно перспектива мирного решения конфликта между Россией и Турцией нарушала интересы держав. Послы поспешили уведомить Порту о вводе англо-французской эскадры в Дарданеллы при появлении русского флота вблизи Босфора. При их участии была подготовлена и в июле 1853 г. направлена в Петербург и в столицы других держав нота, в которой Порта брала на себя обязательства соблюдать права православных подданных, но обращалась к западным державам с призывом гарантировать эти обязательства перед царским правительством. 23 июля 1853 г. министр иностранных дел Мустафа Решид-паша получил официальное согласие послов Англии, Австрии, Франции и Пруссии считать эти положения основой для переговоров между Россией и Турцией. Вместе с тем турецкое правительство уклонилось от принятия Венской ноты, усматривая

в ней попытку установления протектората Парижа и Петербурга над 12-миллионным христианским населением Османской империи. Целью правительственных кругов Османской империи было участие в многосторонних соглашениях европейских держав.

25 сентября 1853 г. по предложению Решид-паши было созвано совещание 160 высших государственных чинов и улемов Османской империи, принявших решение объявить России войну¹⁰. Спустя четыре дня был обнародован соответствующий хатт-и хумаюн султана Абдул Меджида¹¹. Впервые в документах подобного рода обращение султана относилось ко всем подданным без различия веры и содержало заявление о совпадении позиций Порты и западных держав. Ультимативное требование о выводе русских войск из Дунайских княжеств было предъявлено России 4 октября 1853 г.¹². Двумя днями ранее Порты обратилась к Англии и Франции с просьбой ввести эскадры в Мраморное море.

Для дипломатии Англии и Франции эта просьба имела сугубо формальный характер, так как еще 23 сентября по инициативе посла Франции в Лондоне А. Валуевского в узком кругу британского кабинета было принято решение ввести англо-французскую эскадру через Дарданеллы в Мраморное море. Столкновение России и Турции должно было свершиться под наблюдением Лондона и Парижа. Нарушением статута Черноморских проливов (1841 г.) и введением эскадр в Мраморное море создавалась ситуация, исключавшая мирное решение русско-турецких разногласий, подготавливалась позиция, позволявшая державам вмешаться в развитие событий. Однако державы делали вид, что ищут путей к миру, и это вызывало недовольство правых клерикальных и феодальных кругов Османской империи, усматривавших в конфликте с Россией только религиозную сторону и требовавших от султана решительных действий. Кроме того, Порте дальнейшие поиски мира мешали бы расправиться с растущим антитурецким движением в Фессалии и Эпире, поддерживаемым Грецией, с освободительными выступлениями в Сербии, Болгарии, Курдистане.

Военные действия как на Дунайском, так и на Кавказском театрах начались лишь в 20-х числах октября. Османские войска начали военные действия против России на обоих театрах одновременно. В ноябре 1853 г. в Константинополе стало известно, что англо-французская эскадра взяла курс на Мраморное море. Одновременно от европейских банкиров в османской столице поступили сообщения, что Англия и Франция готовы предоставить Османской империи крупный военный заем. Эти обстоятельства, а также переброска турецких войск и снаряжения на побережье Грузии вблизи района действия Шамиля, наконец, неопределенность дальнейших действий союзной

эскадры, вставшей на рейд в Мраморном море, заставили Петербург предпринять решительную морскую операцию у черноморского побережья Турции. В Синопском сражении 30 октября 1853 г. была уничтожена турецкая вспомогательная эскадра в 16 выпелов, следовавшая в Батум с воинскими грузами¹³. С легкой руки французского историка А. Дебидура в литературе сложился образ растерявшегося после синопского поражения султана Абдул Меджида, который обращался к западным державам за помощью и категорически требовал, чтобы союзная эскадра вышла из Босфора в Черное море. В действительности при Синопе погибли преимущественно устаревшие парусные суда, имевшие к 50-м годам десятую часть оружейных стволов османского, в основном парового флота. Гораздо серьезнее расценивался в Турции разгром на следующий день после Синопа 36-тысячного Карского корпуса сераскера Ахмет-паши в битве под Башкадыкларом¹⁴. В современной турецкой историографии отмечается, что реакция Англии и Франции на Синопское сражение отражала их собственную заинтересованность в судьбе Черноморских проливов. Вместе с тем Э. Карал, Н. Оздалга, Э. Куран и другие преувеличивали готовность держав добиваться восстановления мира на Ближнем Востоке¹⁵. Западной дипломатией Синоп и Башкадыклар были использованы для того, чтобы, во-первых, придать русско-турецкому столкновению необратимый характер и, во-вторых, обеспечить посредничество Англии и Франции.

11 декабря 1853 г. в Париже узнали о первых поражениях турецкой армии. Посланнику Порты Намык-паше сообщили о возможности получить заем в 10 млн. фр. Эд. Друэн де Люис распорядился довести до сведения Абдул Меджида, что «Франция не останется равнодушной», и предложил немедленно ввести союзную эскадру в Черное море, чтобы «помешать повторению Синопа»¹⁶.

Одновременно в Лондоне и Париже поспешили с выработкой новых, так называемых декабрьских (1853 г.) предложений о посредничестве в русско-турецком конфликте. В основе предложений лежали идеи сохранения целостности Османской империи под гарантией западных держав и осуществления преобразований в положении христианских подданных под их общим наблюдением. Турция и Россия должны были урегулировать отношения на международной конференции¹⁷. Такой план означал по существу контроль над внутренней и внешней политикой Османской империи. Реакция в Константинополе была негативной — Абдул Меджид полагал, что Лондонский договор 1841 г. уже является международной гарантией целостности и независимости Турции.

Пока эти предположения обсуждались в различных вариантах в Париже и Лондоне, англо-французская эскадра 2 янва-

ря 1854 г. прошла Босфор и взяла курс на Варну. В этой, еще не объявленной европейскими правительствами, но уже развязанной войне была отброшена нота Порты Австрии от 31 декабря 1853 г. — последняя попытка восстановить мир с Россией на условиях, в целом совпадавших с последними предложениями держав¹⁸. В документе — возможно подготовительном варианте известного хатт-и хумаюна 1856 г., содержалось также обещание обеспечить в духе и на основе провозглашенных в 1839 г. принципов танзимата равенство всех подданных, без различия вероисповедания. Была сделана также попытка дополнить договор 1841 г. о режиме проливов для придания ему характера большей взаимности и прочности. Оба эти пункта могли бы дать совсем иное направление развитию конфликта на Ближнем Востоке, так как отчетливо вырисовывалось недовольство Порты нарушением режима проливов и «чрезмерным усердием» держав в защите ее христианских подданных. Однако мирная инициатива турок менее всего интересовала Англию и Францию. Лишь К. Буоль выразил Порте готовность поддержать ее мирную инициативу, но и это было связано с собственно австрийскими планами участия в европейской войне. Он одновременно передал мирные предложения Турции в Петербург, укрепляя заблуждения Николая I о благожелательности позиции Вены.

Между тем события приближались к границам Австрии. С середины января 1854 г. ширилось антитурецкое восстание в Эпире и Фессалии и могло в любой момент перекинуться в Сербию. Греция поддерживала эпирских повстанцев и могла начать военные действия против Турции. В европейских столицах еще были живы воспоминания о 1828—1829 гг., когда греческая революция получила решающую поддержку России. Такого поворота западные державы всемерно стремились избежать, но при этом они хотели бы заставить Порту следовать курсу полного подчинения, который ей проложили западные лондонскими соглашениями 1841 г. Все это на языке тогдашних дипломатов называлось «сохранением европейского равновесия» от попыток его нарушения Россией¹⁹.

Финансисты в Лондоне и Париже оговаривали технические подробности первого турецкого займа, когда англо-французская эскадра после 20 дней крейсирования в Черном море вернулась на босфорский рейд. Наполеон III готовил личное послание (29 января 1854 г.) Николаю I, еще раз пытаясь поставить решение Восточного вопроса под контроль держав под видом озабоченности Франции напряженностью в Черном море. В письме содержалась угроза (от имени Англии и Франции, хотя формального союза еще не было заключено) блокировать черноморское побережье России в случае дальнейшего пребывания русских войск в Дунайских княжествах²⁰. Условия

русско-турецкого соглашения, которое могло бы иметь место, подлежали утверждению конференцией четырех западных держав. В ответном письме 8 февраля 1853 г. Николай I, к случаю вспомнив 1812 г., отказался капитулировать на условиях Наполеона III, призывая в свидетели своего «миролюбия и поправленного достоинства бога, отечество и европейских читателей»²¹. Столь же определенно он высказался и в отношении совместного англо-французского ультиматума от 27 февраля 1854 г. об очищении княжеств.

В Константинополе тем временем был спешно завершён и 12 марта 1854 г. подписан англо-франко-турецкий военный договор — первый в истории Османской империи многосторонний договор, носивший наступательный характер. В Париже и Лондоне торопились. Через две недели последовало объявление Англией и Францией войны России. Поскольку державы не считали надёжным договор с Портой, 10 апреля 1854 г. они дополнили его отдельным военным соглашением, регулировавшим их отношения вне союза с Турцией. Так же за спиной османской дипломатии 11 апреля был подписан Венский протокол, по которому Англия, Франция, Австрия и Пруссия брали обязательства не заключать с Россией сепаратных соглашений. В отношении Турции предполагались совместные действия по возвращению Дунайских княжеств под власть султана, соблюдение территориальной целостности османских владений и дальнейших реформ для христианского населения.

Неудивительно, что англо-французские войска начали военные действия 15 апреля 1854 г. с оккупации Пирея, чтобы пресечь развитие греческого повстанческого движения. Одновременно главные силы союзников начали накапливаться на Дунайском театре, в районе Варны. В начале июля здесь было до 50 тыс. французских и около 20 тыс. английских солдат и офицеров.

Встревоженная Порта активизировала действия своих войск, при этом в Константинополе сочли, что союзный договор с Австрией (14 июля 1854 г.) о занятии княжеств австрийскими войсками послужит некоторым противовесом англо-французскому давлению²². Однако Франция, раздражённая «излишней ретивостью турок» (так оценивал действия Порты французский посол в Константинополе А. Бараге д'Илье), намеревалась окказаться в княжествах раньше Австрии, надеясь потеснить при этом Англию в борьбе за влияние на османское правительство.

Лондон несколько неопределенно высказывался о конечных целях войны, полагаясь больше на экономические методы воздействия на Порту. Французских войск в Румелии было вдвое больше, чем английских, и Наполеон III взял на себя очередную дипломатическую инициативу. Эд. Друэн де Люис подготовил и совместно с К. Булем представил Англии и Пруссии

план «Четырех пунктов», которые должны были лечь в основу мира между Россией и Османской империей. Согласно этому документу, развивавшему упомянутый Венский протокол держав от 11 апреля 1854 г., Россию следовало лишить права защиты православного христианства и покровительства Сербии и Дунайским княжествам. Предусматривалось коллективное вмешательство западных держав как в дела всех христианских подданных Порты, так и в дела Молдавии и Валахии. Режим проливов, определенный в 1841 г., и судоходство в устье Дуная подлежали пересмотру в сторону вытеснения России из Восточного Средиземноморья и ограничения ее влияния в Черном море. Проливы предполагалось поставить под контроль союзников²³. Принятие этих пунктов лишало бы Россию какой-либо самостоятельности в Восточном вопросе и установило бы коллективный протекторат держав над Османской империей. Примечательно, что союзники не сочли нужным даже согласовать с Портой эти предложения, прежде чем направить в Россию. Порта, согласившись к этому времени с условиями своего первого займа, была связана военными соглашениями со своими займодавцами, и ее мнение уже никого не интересовало.

Действительно, Крымская война создала благоприятные условия для вторжения иностранного, прежде всего английского и французского, капитала в Турцию. Торговый оборот Англии с Турцией увеличился с 188 млн. фр. перед войной до 221,4 млн. фр. в 1856 г. Оборот Франции вырос с 78 млн. до 223 млн. фр. Торговля России с Турцией осталась на довоенном уровне²⁴. При сокращении вывоза турецких товаров в Англию быстро рос экспорт английских товаров, прежде всего хлопчатобумажных тканей, достигнув к 1853 г. 80 млн. фр., что, по данным компетентного современника, почти в пять раз превышало стоимость всех промышленных товаров, вывозившихся Россией в страны Востока²⁵.

К. Маркс и Ф. Энгельс накануне Крымской войны отмечали, что центр англо-русского экономического соперничества в Азии переместился в район Черного моря. Через Трапезунд шли товары на Средний Восток, через устье Дуная — «этим путем в Азию» — осуществлялась значительная часть торговли «Швейцарии, Германии, Венгрии, Турции и главным образом Молдавии и Валахии»²⁶. После 1848 г. ввоз из Англии в черноморские порты России сокращался и к 1851 г. заметно отставал от английского ввоза в Дунайские княжества²⁷. Однако непосредственно в канун войны (1851—1852) русский ввоз в Турцию начал выравниваться и возрастать (до 25% за два года) при одновременном сокращении английского экспорта в Османскую империю вследствие переполнения рынка английскими товарами. Эти обстоятельства вызвали серьезную озабо-

ченность в деловых и правительственных кругах Англии как с точки зрения рынка, так и контроля над торговыми путями.

Англия, парализовав в конце 40-х годов дипломатическими методами попытки Египта сохранить контроль над Суэцем — важнейшей коммуникацией между Европой и зоной Индийского океана, уступила Франции в вопросе о строительстве Суэцкого канала в 1854 г.²⁸ Однако она вполне вознаградила себя преимуществом на регулярных паромных линиях Ливерпуль — Трапезунд, Константинополь — Трапезунд, а также исключительными правами на изыскания по трассе предполагавшегося железнодорожного пути от Средиземного моря через Сирию и Ирак на Иран. По концессии, выданной Портой в 1851 г., в годы войны на английский капитал была построена железная дорога Александрия — Суэц, обслуживавшая преимущественно английские военные перевозки. Под предлогом обороны Восточной Анатолии в годы войны английская компания начала добиваться концессии на строительство дороги Самсун — Сивас. В конце войны началась прокладка первой в Турции железной дороги Смирна — Айдын, положившей начало кабальной задолженности по «километрическим гарантиям»²⁹.

Торговые соглашения, навязанные Порте в конце 30-х — начале 50-х годов, по существу, возобновили режим капитуляций в Османской империи. Осуществление турецким правительством «режима свободной торговли», принятого под давлением западных держав, ряд мер по защите экономических интересов иностранных предпринимателей в Турции, наконец, участие в войне в союзе с колониальными державами — все это содействовало установлению в период Крымской войны финансовой зависимости — одной из форм полуколониального режима.

В 1844—1851 гг. османское правительство предприняло несколько попыток создать национальную банковскую систему, произвести обмен каимэ (бумажных денег) и поддерживать стабильный курс куруша (110 курушей за 1 ф. ст.). Накануне войны Константинопольский государственный банк впервые в османской истории принял участие во внешнеторговых операциях в интересах государства, обеспечив сделки в Англии на 636 млн. курушей, в Австрии — на 6,5 млн. и во Франции — на 168 млн. курушей. Весной 1853 г. в прессе появились сообщения об открытии в Лондоне отделения государственного Оттоманского банка для внешней торговли³⁰. Согласованное противодействие европейских финансистов и их представителей в столице Османской империи сорвало все усилия Порты создать независимую банковскую систему. Курс куруша к 1853 г. упал до 150 курушей за 1 ф. ст., изъятие из обращения обесцененных бумажных денег было приостановлено³¹.

С неудачной деятельностью первых турецких банков были

связаны переговоры о внешнем займе. Накануне войны, осенью 1852 г., банкиры Парижа и Лондона выразили готовность предоставить Порте заем на 50 млн. фр. на 23 года. Порта была готова в обеспечение займа предоставить на три-четыре года (но не более чем на 10 лет) доходы Египта, Дунайских княжеств, Сербии. Кредиторы настаивали на максимальном сроке — 23—25 лет. Султан не утвердил заем как излишне долгосрочный³². В течение всего 1853 года послы Турции в Лондоне и Париже Мусурус-эфенди и Намык-бей получали уклончивые ответы на все попытки вернуться к вопросу о займах. Переговоры о займе приобрели новое развитие уже после начала военных действий на Дунае. Лондонские банкирские дома Дент, Палмер, Маккиллори и К° и их компаньоны в Париже Бишофсгейм, Голдсмит и К° предоставили Порте шестипроцентный заем на 3 млн. ф. ст. (330 млн. курушей) сроком на 15 лет³³.

В июне 1855 г., в разгар осады Севастополя и боев на Кавказе, Порта была вынуждена просить новые займы. К этому времени непомерные для Турции военные издержки, превысившие 10 млн. ф. ст., и растущие внутренние расходы привели к образованию в бюджете дефицита, достигшего 5,8 млн. ф. ст. Лондонские банки («Н. М. Ротшильд и сыновья» преимущественно) при участии парижских банков предоставили Порте четырехпроцентный заем на 5 млн. ф. ст. (550 млн. курушей). Цена реализации была значительно ниже³⁴. По предложению советников из администрации Британской Индии, внимательно следивших за «делом о турецких займах», в обеспечение первого займа Порту обязали выделить доходы Египта. В обеспечение второго займа добавились поступления таможен Сирии и Смирны. Оба займа предназначались сугубо на военные цели.

Для контроля за расходованием займов и поступлением платежей в Константинополь были направлены представители правительства Англии и Франции. Напрасно Порта требовала от своих послов в Лондоне и Париже избежать такого контроля. Было отвергнуто предложение турецкой стороны о создании смешанной Комиссии наблюдателей, где большинство в три голоса принадлежало бы представителям Турции против двух представителей именно банков-займодавцев, а не правительств Лондона и Парижа. Советник австрийского правительства при Порте продолжал наблюдать за разработкой законов в защиту иностранной собственности. Контролеры деятельно готовились включить в хатт-и хумаюн 1856 г. о новом этапе танзимата положение, которое узаконило бы статут их наблюдателей за финансами Порты.

Для покрытия бюджетного дефицита, возросшего к концу войны до 8,5 млн. ф. ст., и в целях выкупа бумажных денег,

курс которых упал за годы войны до 30% нарицательной стоимости, не погасив двух первых долгов, Порта вынуждена была просить новые займы под высокий платежный процент и снижавшуюся цену реализации.

Открытый в Константинополе в год окончания войны Оттоманский банк с чисто английским капиталом спустя семь лет получал права государственного банка, и через него по настоянию Англии и Франции была проведена консолидация внешнего долга Османской империи³⁵. Получив реально менее 8 млн. ф. ст. займов в 1854—1855 гг. и затратив более 11 млн. ф. ст. на военные цели, Порта выплачивала долги своим союзникам по Крымской войне вплоть до 1914 г.

Все более втягиваясь в долгую, изнурительную войну, Порта постепенно утрачивала контроль за положением дел не только в своем финансовом ведомстве, но и на театрах военных действий. По существу отказавшись от сюзеренитета над Дунайскими княжествами, по австро-турецкой конвенции от 14 июня 1854 г.³⁶, Порта не сумела убедить союзников уделить особое внимание Кавказскому фронту. В июле 1854 г. в Лондоне и Париже была согласована операция в Крыму, где находилась главная база русского черноморского флота — Севастополь. В августе 1854 г. командующие союзными силами в Варне сообщили об этом решении сераскеру Дунайского фронта Омер-паше, о существовании которого «союзники, казалось, позабыли, по отзывам современников, после заключения военных договоров» (С. Базанкур, Дж. Тэйлор и др.).

В Константинополе с понятной благожелательностью отнеслись к переводу англо-французских войск из Европейской Турции в Крым. Однако в правительственных кругах с беспокойством наблюдали за ростом активности британских «путешественников» и «дипломатов» в Западной Грузии и Месопотамии, ростом напряженности на ирано-турецкой границе. К августу 1854 г. с помощью английских советников было приостановлено развитие курдского восстания, к которому готовы были присоединиться греки, армяне, айсоры, арабы Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Необоснованными оказались расчеты Порты на массовые восстания горцев в тылах русского Кавказского корпуса³⁷. По плану полковника британской службы У. Ф. Уильямса — советника при штабе Анатолийской армии, фактически руководившего всеми военными действиями в Анатолии, включая карательные операции против повстанцев, Порта сосредоточила силы в Карсе и Эрзуруме. Турецкие части потерпели сокрушительное поражение под Карсом, но важнейшая артерия английской торговли на Среднем Востоке — Трабзон — Тебриз — оказалась прикрыта.

Озабоченная потерями на Кавказе и бедственным положением своего корпуса под Севастополем, Порта настаивала на

его выводе из Крыма. Однако Франция не желала сокращать число турецких войск в Крыму во имя операций на Кавказе, видя в этом защиту лишь английских интересов. В свою очередь, как отметил К. Маркс, «английское правительство упорно стремилось расстроить планы Порты»³⁸ в отношении самостоятельных действий, поставить ее в исключительную зависимость от Лондона, переложить на Францию ответственность за совершившееся в конечном счете падение Карса и вероятное — Эрзурума³⁹.

9 сентября 1855 г. отступлением русских войск на Северную сторону завершилась героическая эпопея обороны Севастополя. Стало «ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников»⁴⁰. В ноябре пал Карс. На обширной территории от Вана до Багдада, а также в Сирии и Ираке турецких войск почти не оставалось. Основные цели Англии и Франции были достигнуты: царская Россия потерпела поражение, а Османская империя была опутана сетью долговых обязательств и практически лишилась армии.

Англия и Франция поспешно готовили документы Парижского конгресса, которые закрепили бы контроль за внутренним положением в Османской империи и подорвали международный престиж России, ее влияние на Ближнем Востоке и Балканах.

¹ О причинах и характере Крымской войны см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 121—152.

² См. там же, с. 130—132.

³ См.: Uçok C. Soyasal tarih 1789—1950. Ankara, 1961, с. 165—176; Kuran E. Osmanlı imparatorluğunda yenileşme hareketleri.—Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976, с. 1008; Erkin F. Les relations turco-soviétiques et la question des detroits. Ankara, 1968, с. 39.

⁴ Karal E. Osmanlı tarihi. Nizam-i cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). Cilt 5. 3. Baskı. Ankara, 1970, с. 222.

⁵ См.: Хаджи Мурат Ибрагимбейли, Шеремет В. И. Современная турецкая историография Восточной (Крымской) войны.—«Вопросы истории». 1977, № 4, с. 51.

⁶ Cem I. Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi. 2-ci baskı. İstanbul, 1972, с. 201—202; Köymen O. The Imperialism of Free Trade the Ottoman Empire. The Report to the Intern. Congress of Economic History. M., 1970, с. 13—14; Kaşgan G. Ortak Pazar ve Türkiye. İstanbul, 1970, с. 109.

⁷ Bulutoğlu K. 100 sorunda Türkiye'de yabancı sermaye. İstanbul, 1970, с. 68—72; Derin F. Osmanlı devletinin siyasi tarih.—Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976, с. 999—1000.

⁸ Зайончковский А. М. Восточная война в связи с современной ее политической обстановкой. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1913, № 15, с. 180.

⁹ Nesselrode K. Letters et papiers. T. 10. P., 1909, с. 254.

¹⁰ В турецкой исторической литературе подчеркивается широкий состав участников совещания и коллективность принятого решения (см.: Uçok C. Siyasal tarih 1789—1950, с. 180).

¹¹ «Это означало,— писал Э. З. Карал,—объявление России войны» (Karal E. Osmanlı tarihi..., с. 234).

¹² Е. В. Тарле в этой дате относил объявление Османской империей войны России (Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 280).

¹³ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 137. В турецкой историографии Синопское сражение сравнивается с Чесменским (1770 г.), предопределившим поражение Османской империи в войне 1768—1774 гг., и трактуется как непосредственная причина вступления в войну Англии и Франции во имя «спасения» Османской империи (см.: Kağal E. Osmanlı tarihi..., с. 236; Kuḡat A. N. Türkiye ve Rusya XVIII yüzyıl sonundan Kurtuluş savaşına kadar türk-rus ilişkileri (1789—1919). Ankara, 1970, с. 73).

¹⁴ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 144; Kağal E. Osmanlı tarihi..., с. 235.

¹⁵ Хаджи Мурат Ибрагимбейли, Шеремет В. И. Современная турецкая историография, с. 53.

¹⁶ Guichen E. La guerre de la Crimée (1854—1856) et l'attitude des puissances européennes. P., 1935, с. 92.

¹⁷ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 137.

¹⁸ Текст см.: Bapst E. Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie (1848—1854). P., 1912, app. № 6.

¹⁹ Из письма А. Велевского Дж. Кларендону с предложением о военном союзе (см.: Guichen E. La guerre de la Crimée..., с. 121).

²⁰ Привлекая внимание европейской общественности к миротворческой позиции Франции публичными заявлениями, Наполеон III австрийскому дипломату Д. Гогенцоллерну-Зиненгеру доверительно открывался: «Я смеюсь над Восточным вопросом так же, как и над влиянием русских в Азии. Меня интересует лишь их влияние в Европе, и я хочу положить конец тому господству, которое последнее время петербургский кабинет приобрел на континенте». И далее Наполеон III выражал конечную цель своей позиции в эти годы: «Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели» (извлечено из архива МИД Франции А. М. Зайончковским. Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 139).

²¹ В письме к М. С. Воронцову (конец января — начало февраля 1854 г.) Николай I не без горечи признавал, что «уступать-то и некуда. Россия требует того, что ей следует по трактатам — ни более, ни менее, где уж тут случай к уступкам» (см.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 10. Тифлис, 1868, с. 792).

²² Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 140.

²³ Там же, с. 141.

²⁴ См.: Ubicini A. La Turquie actuelle. P., 1855, с. XXVI; Heuschling H. L'Empire de la Turquie. Bruxelles, 1860, с. 181.

²⁵ Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с. 35.

²⁶ См.: Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции.—Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 13; Маркс К. Лорд Пальмерстон. Статья седьмая.—Там же, с. 408.

²⁷ Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975, с. 118; Шеремет В. И. Русско-турецкие экономические связи в середине XIX в.—«История СССР». 1978, № 6, с. 196.

²⁸ См.: Шеремет В. И. Суэц и колониальные державы в 30-х—40-х годах XIX в.—Международные отношения XIX—XX вв. Л., 1980.

²⁹ Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внешнеэкономические связи Турции эпохи Крымской войны.—«Вестник ЛГУ». 1972, № 14, с. 45—46.

³⁰ «Le Journal de Constantinople», 04.05.1853.

³¹ du Veley A. L'histoire financière de la Turquie. P., 1903, с. 127—128.

³² Rodkey E. Ottoman Concern about Western Economic Penetration in the Levant. 1849—1856.—«The Journal of Modern History». 1958, vol. 30, № 4, с. 350.

³³ Заем был гарантирован британским правительством. Обращения Банка Ротшильда к правительству за гарантиями предполагавшихся займов Порте

в 1829 г. (в связи с русско-турецкой войной 1828—1829 гг.) и в 1839—1840 гг. (война с Мухаммедом Али) были безуспешны. В 1854 г. в Лондоне хотели ограничиться контролем за расходованием займа, но учли возможность прямого воздействия на экономическое положение Османской империи, а также готовность Франции предоставить Турции заем с правительственными гарантиями без участия английского капитала («Economist», 19.08, 02.09.1854; «Banker's Magazine», December 1854).

³⁴ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 142.

³⁵ Там же.

³⁶ Обстоятельство, впервые отмеченное К. Марксом (см.: Маркс К. Восстание в Мадриде.— Австро-турецкий договор.— Молдавия и Валахия.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. с. 305—310).

³⁷ См.: Ибрагим бейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971, гл. XII.

³⁸ Маркс К. Падение Карса.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 11, с. 655.

³⁹ См. там же, с. 652.

⁴⁰ Энгельс Ф. Европейская война.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 11, с. 619.